

30 января в Зеленой гостиной иркутского Дома архитектора для обсуждения темы этого номера собрались постоянные и новые участники Дискуссионного клуба ПБ. Обсуждались проблемы современного состояния архитектурных прогнозов, влияния прошлого на настоящее и будущее, сравнивалась практика проектирования и строительства в Иркутске и других сибирских крупных и малых городах. Инициаторами и модераторами выступили Константин Лидин и Елена Григорьева.

Ключевые слова: архитектура; будущее; Иркутск; прошлое; инновации; строительство; интеллектуалы.

On 30 January, regular and new participants of the PB Discussion Club gathered in the Green Sitting Room of the Irkutsk House of the Architect to discuss the theme of this issue. They discussed the problems of the current state of architectural forecasts, the influence of the past on the present and the future, and compared the design and construction practice in Irkutsk and other Siberian cities and towns. Konstantin Lidin and Elena Grigoryeva were the initiators and moderators of the discussion.

Keywords: architecture; future; Irkutsk; past; innovation; construction; intellectuals.

Дискуссионный клуб ПБ. Образ будущего / PB Discussion Club. Image of the Future

Елена Григорьева Тема нашего следующего номера – образ будущего. В произведениях любимых и часто цитируемых ПБ Стругацких (а они профессионально занимались конструированием ОБРАЗА БУДУЩЕГО) часто повторяется тема утопии и антиутопии. Поскольку мы говорим об Иркутске, можно эти две крайние позиции попробовать смоделировать – оптимистическую и пессимистическую. Когда Иркутск – «город прекрасный, город счастливый, моря царица...», а когда – «град обреченный».

Андрей Макаров, обеспокоенный тем, что происходит в области градостроительства и архитектуры, часто повторяет такое предостережение: «Если и дальше так двигаться, то наш регион, в конце концов, будет поглощен Красноярским краем». Действительно, если продолжать двигаться в русле нынешней тенденции, будущее выглядит довольно печально: при низком статусе профессии, междоусобицах внутри цеха, отсутствии полноценного диалога с теми, за кем сейчас принятие решений. Спротивляться некачественному принятию решений в архитектуре и градостроительстве определенно лучше сплоченно.

Приведу примеры: недоумение и несогласие у архитекторов вызвало решение о размещении областной детской больницы на затесненном участке у шестиполосной транспортной магистрали в центре города. Это, мягко говоря, не самое здоровое место для больных, и это дальнейшее конструирование пробок в и без того проблемном месте выхода магистрали на Академический мост. Размещение больницы на втором Чертугеевском полуострове, где она и должна быть согласно утвержденному проекту планировки, гораздо рациональнее. Снос Кадетского училища (казарма) на площадке бывшего ИВВАИУ и строительство на этом месте военного госпиталя нерационально не только с экономической точки зрения. Это место, как было нам объявлено официально, находится под полосой глиссады нашего аэропорта; здесь самолеты снижаются прямо над крышами. Госпиталю было бы гораздо полезнее размещаться на предназначенных для медицины землях в районе Юбилейного или того же 2-го Чертугеевского полуострова, в зеленых зонах. Надо избавляться от имиджа города, который привлекает катастрофы, а размещение объекта с круглосу-

точным пребыванием людей так же, как и строительство нового высотного жилья под глиссадой, не способствует уходу от этого имиджа.

Не ограничиваясь любимым городом, представляю вам свежую новость от Илона Маска: «Первый человек получил имплант Neuralink вчера, восстановление после операции проходит хорошо. Первыми пользователями станут люди, утратившие контроль над своими конечностями». Используются фантомные боли у людей, которые перенаправляют так, чтобы человек управлял своей искусственной конечностью. Это светлая сторона новых технологий, обнадеживающая, а не вызывающая страх.

Завершая свою преамбулу, я попробую оправдать количество историков за нашим сегодняшним круглым столом. Один древнегреческий историк Эпиктет сказал: «Если хочешь жить, не зная печали, считай будущее прошедшим».

Константин Лидин Образов будущего не два, а больше, и я надеюсь, у нас сегодня несколько вариантов прозвучит, кроме того, что там будет все очень плохо или что будет все хорошо. Возможно, сегодня возникнут промежуточные версии. Вопрос сейчас больше не о том, какое будущее нас ждет, а где мы его возьмем. Позиция «если нас несет куда-то, ну и посмотрим, куда принесет», – эта позиция выглядит несколько недостойно: люди, которые сегодня собрались – это больше авторы будущего, чем его жертвы. Я надеюсь, мы сегодня друг другу расскажем, какое будущее каждый из нас хочет построить, в какое будущее мы хотим попасть? И есть ли у нас для этого будущего время?

Александр Гимельштейн Я зафиксировался на тезисе, который произнесла Елена Ивановна по поводу поглощения Иркутской области Красноярским краем. Я попробую найти оптимизм через пессимистический тезис: ничего такого в Красноярском крае не происходит прорывного, чтобы можно было посмотреть на данный регион как на регион-матку, который всех будет собирать. Ровно то же самое я могу сказать про Новосибирскую область. Больше кандидатов на лидерство в нашем секторе я не вижу в принципе. Если говорить о возможных поглощениях и слияниях, они возможны

Елена Григорьева
Российская академия архитектуры и строительной наук (Иркутск)
Константин Лидин
Федерация «Союз соотечественников» (Болгария)
Александр Гимельштейн
Иркутский государственный университет
Сергей Алексеев
Иркутский государственный университет
Алена Мочальникова
Prostor Group (Новосибирск)
Яна Лисицина
Иркутский государственный университет
Марина Ткачева
Иркутский областной художественный музей им. А. П. Сукачёва
Татьяна Титова
архитектурная мастерская Open project studio (Иркутск)
Фото **Евгения Сурикова**

Elena Grigoryeva
Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Irkutsk)
Konstantin Lidin
Federalization of Fellow Citizens (Bulgaria)
Alexander Gimelshteyn
Irkutsk State University
Sergey Alekseev
Irkutsk State University
Alena Mochalnikova
Prostor Group (Novosibirsk)
Yana Lisitsina
Irkutsk State University
Marina Tkacheva
Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts
Tatiana Titova
architectural bureau Open Project Studio (Irkutsk)
photo by **Evgeniya Surikova**

на абсолютно внеобъективной основе – это могут быть политико-управленческие решения, связанные с абсолютно субъективными факторами: пришествием политически сверхмощного руководителя одного из регионов, странным представлением о географии людей, которые нарезают федеральные округа. Это можно рассмотреть как лавину: кого-то погребет, кого-то вынесет без всяких на это усилий. Но если данный параметр отложить и смотреть на него как на классический форс-мажор, то мы все находимся примерно в одинаковом состоянии...

Одной из проблем у всех, а у нас особенно, является системный кризис экспертизы, системное недоверие к экспертам. Мы находимся не на нулевой отметке, а на минусовой, так как потенциальный потребитель вообще не имеет представления о том, что экспертиза необходима; возможно, даже присутствие нескольких разноотраслевых экспертов. Возможно, было бы нужно создание альтернативной системы за пределами интересов государственных структур, особенно в регионах, где присутствуют глобальные корпорации, а мы таковым регионом и являемся. Но на сегодняшний день уровень добровольной передачи самостоятельности в мышлении и прогнозировании будущего у корпораций в пользу государства настолько велик, что эта проблема не может быть решена за пределами государства. Поэтому – из оптимистического посыла – возможно в каком-то из этих регионов (хорошо, если в Иркутской области) вдруг удалось бы убедить власти в необходимости системной экспертизы. Это может стать основой, чтобы выйти на новый уровень значимости региона среди регионов-соседей за счет интеллектуализации госуправления.

КЛ Хотел добавить, что уровень доверия падает по всем направлениям. Основываясь на социологических исследованиях, мы знаем, что уровень доверия падает по спирали, причем каждый виток захватывает все более широкие круги. Правительство, наука, СМИ – никто никому не верит. Как следствие, целые регионы перестают доверять центральному правительству. Становится все труднее создавать агломерации и поддерживать их. Это общая проблема, по крайней мере, общеевропейская. И Европа, и США сталкиваются с этим явлением

и не знают, что делать. Именно поэтому сегодняшняя тема становится актуальной, потому что, если мы себе не придумаем будущее, то ждать его неоткуда. Даже если нам кто-то предложит варианты будущего, мы все равно не поверим – мы будем подозревать, что нам навязывают невыгодные для нас чужие интересы. Иркутск в этом смысле выглядит перспективно в плане интеллектуальной смелости по сравнению с Красноярском и Новосибирском. Достаточно сравнить архитектурные школы, а в Иркутске много архитектурных идей и смело мыслящих людей и специалистов. Ждать неоткуда, так давайте придумаем будущее.

ЕГ В этом году проходит юбилейный, 25-й Зимний университет; тема его довольно оригинальная и даже несколько одиозная: «Иркутск – интеллектуальная столица?» Участники воркшопа должны ответить на данный вопрос. Якутский историк добавил амбициозности, предложив Иркутск сделать столицей России, ссылаясь на великое прошлое нашего города. Есть ли в Иркутске предпосылки для того, чтобы он стал интеллектуальным центром? Интеллектуальная элита, безусловно, есть (часть ее сидит здесь). Есть на Байкале нейтринный телескоп мирового значения, сам Байкал – объект мировой важности, да и его тезка, журнал «Проект Байкал» поднял за последние годы свой статус до международного и, наверное, многое что еще. Какие есть предпосылки, чтобы назвать Иркутск столицей чего-либо интеллектуального?

Сергей Алексеев Когда мы представляем будущее, то исходим из конструктивистского подхода, что будущее предсказуемо: мы можем о нем думать, мыслить, менять его. Не факт, что это есть на самом деле. Но если идти по пути, что будущее предсказуемо, значит, его можно планировать, и мы берем на себя смелость менять это будущее. Мы воспринимаем будущее как некоторое желаемое состояние. На пути к будущему необходимо разумно затрачивать ресурсы, чтобы мы, в момент достижения своей цели, имели больше ресурсов, чем затратили в ходе ее достижения. Желаемое будущее – это такое состояние, где у нас еще больше возможностей, еще больше ресурсов. Данный подход практичный, рабочий, но сам я в него до конца не верю, потому что будущее в крайней

степени непредсказуемо. Тем не менее мы не можем не планировать будущее и не думать о нем – иногда что-то получается, иногда идет по-другому, а иногда получается даже лучше, чем мы планировали; это лучший из вариантов. Когда мы рассуждаем о желаемом будущем, нужно понимать, что мы не первые, кто об этом задумался. Существует целое направление управленческой деятельности, которое называется стратегическое планирование, и в этих документах есть образы будущего – с ними можно ознакомиться. Более того, обязанность государства – делать данные документы. В РФ действует закон «О стратегическом планировании». Закон содержит закрытый перечень документов, которые являются документами стратегического планирования – это и Послание Президента РФ, и Стратегия национальной безопасности, и государственные программы. Для нашего региона важнейшим документом стратегического планирования является «Стратегия социально-экономического развития Иркутской области до 2036 года». Документ подготовлен в строгом соответствии с федеральным законодательством, в том числе федеральными документами стратегического планирования. Региональная стратегия в обязательном порядке проходит процедуру общественного обсуждения. Стратегия развития области разрабатывалась много лет, общественность и эксперты высказывали множество своих замечаний. Сделать такой сложный документ идеальным на весь срок его действия, практически невозможно, поэтому в него готовятся изменения. Нужно учитывать, что это не художественный текст, там не описано в прекрасных словах состояние желаемого будущего; у документа другой язык.

Принимая приглашение участвовать в круглом столе, я задумался: что я могу сказать архитекторам? Стратегии пишутся в общем виде, тем не менее в них обозначаются конкретные объекты, которые необходимо построить или реконструировать; в процессе разработки идут споры по поводу того, что будет создано силами архитекторов и строителей. То есть сначала появляется идея, которая фиксируется в документах, а потом она превращается в реальность. Когда-то у нас была большая иркутская идея – построить мост через Ангару. В итоге, спустя долгое время, построили. Я воспринимаю его не как мост,

а как дорогу через Ангару, но она функциональна, и по ней можно ездить. На практике каждое ведомство пытается в стратегию уместить значимые объекты. В сфере культуры мы хотим реконструировать ТЮЗ, построить кукольный театр «Аистенок», современный концертный зал и образовательный кампус для учреждений среднего профессионального образования (такого в стране и у нас нет). Учреждения среднего профобразования в сфере культуры размещаются в объектах культурного наследия. Они красивые, но мало приспособлены к современным требованиям для образовательных организаций. В них не создашь отличных аудиторий, там не будет крутых спортзалов и концертных залов для учебных целей. Нам нужно создавать что-то новое. Практика показывает: если создается концентрация студентов, педагогов в одном месте, они вместе живут и учатся, то формируется качественно другая образовательная среда. Такую идею-мечту о кампусе мы прописали в стратегии.

Мой жизненный опыт показывает, что чиновники будущее не выдумывают: они слушают, наполняются мыслями заинтересованной общественности. Когда-то была идея построить современную областную библиотеку, и мы построили – одну из лучших в стране. Сейчас звучит идея концертного зала, и когда-нибудь мы его создадим.

Мы рассуждаем о динамично развивающихся Красноярске и Новосибирске. Высказываются опасения, что в будущем Красноярск поглотит Иркутскую область административно. Лично я в это не очень верю, но не готов обсуждать предметно. Выскажу лишь собственное суждение, что административные границы внутри страны вторичны. Ценность представляет единое пространство страны, единое культурное пространство, что создает условия для развития российской культуры. Нужно учитывать разную скорость развития регионов, конкуренцию между ними. Есть риск, что если нам будет не хватать энергии, то новые идеи, новые форматы будут возникать в Новосибирске, в Красноярске, в Омске, в других местах. Хочется создавать новое, чтобы мы были не на уровне других, а сами задавали тон, были тем «уровнем», к которому стремятся другие.

АГ Я хочу сказать оптимистично: когда стали формироваться федеральные университеты, которого мы не получили, возникла серьезная опасность оттока к соседним регионам. Мы все нервничали от этого, потому что от статуса университета зависят его ресурсная, финансовая и т. д. наполненность. Прошло уже 10 лет со времени появления федеральных университетов, и все-таки существенный отток у нас по-прежнему происходит только в сторону столиц Москвы и Санкт-Петербурга. Иркутский вуз на Красноярский или Новосибирский меняют абитуриенты с конкретной мотивацией: редкая специальность, родственники, географическая близость. Хотя все равно в иркутские вузы поступают больше. Интеллектуальный центр – это не о естественниках, это не об инженерах, потому что инженерная столица страны – я такого никогда не слышал. Инженерный центр – да, но это тоже связано не только с наукой, но и с производством. Интеллектуальный центр – это гуманитарный центр, это центр, создающий смыслы. С одной стороны, можно сказать: в Иркутске за столько лет нет ни одного учреждения Академии наук гуманитарного профиля. Замечу, что губернатор Мезенцев был очень близок к тому, чтобы создать научный центр гуманитарного профиля Российской академии наук. И ему, может, года не хватило для того, чтобы такой центр появился у нас. Но многолетняя традиция у нас есть. Хотя, безусловно, в Новосибирске есть институты Академии наук. Про Красноярскую гуманитарность я ничего не могу сказать, но назвать его интеллектуальным центром Сибири не могу: у них нет того, что есть у нас – памяти о том, что мы таковыми были; они в этом отношении, как ни странно, от нас отстают. Мы-то хотя бы можем говорить: ого, мы стоим на плечах гигантов!

Алена Мочальникова Прозвучал вопрос о смысле и об образе будущего, что образ будущего может быть положительный, отрицательный и промежуточный. Я бы немного по-другому этот вопрос рассмотрела: все зависит от того, кто об этом будущем думает. Образ будущего – это то, как, человечество будет жить завтра, и речь не о конкретном городе Иркутске, а масштабно: как будет жить весь мир. Если мы спросим представителя ЛГБТ-сообщества: каким они видят будущее, они нам один образ

будущего нарисуют. У человека с традиционной философией – другой образ будущего. Образов будущего может быть много. Он вытекает из ценностей человека, из его жизненной философии. Когда-то при обучении в институте нам говорили: любая психологическая методика вырастает из концепции, модели, философского представления о человеке. Для фрейдистов это биологический позыв-инстинкт, для представителей гуманистической психологии – стремление к саморазвитию; поэтому объяснять одно и то же поведение человека психологи с разными взглядами будут по-разному. Именно в этом смысле психология – прикладная наука. А к чему она прикладывается? К философскому представлению о человеке, к образу человека, который есть у той или иной психологической школы или конкретного психолога. Поэтому и образ будущего в архитектуре – прикладной. Он прикладывается к тому, что есть внутри человека, его ценностям, философии, взгляду на мир, его пониманию, для чего человек живет. Архитектору как воздух необходимо философская образованность, сформированность внутреннего стресса. И если молодым архитекторам в голову вкладывать только исключительно прагматические ценности, например, деньги как мерило ценности человека и архитектуры, то наше будущее не имеет перспективы. И, конечно, трудность рождения образов будущего в дискуссии связана с мировым кризисом именно смыслов бытия и развития человечества в целом, отсутствием в мировом масштабе четкого представления перспективы развития человечества. И эту сложную проблему, на мой взгляд, нужно пробовать обсуждать, пробовать формулировать перспективы развития человечества, России, и только потом Иркутска.

КЛ Мне бы тоже хотелось обратить внимание, что очень часто планы на будущее как стратегические документы, имеют совершенно количественный характер. Что будет в 36-м году? Построят еще один центр, еще один кампус, еще один театр. Будет все то же самое, только побольше. Хотя, если оглянуться назад (историки не дадут соврать), как раз серьезные перемены обычно происходят из-за каких-то качественных новшеств. Вот появление искусственного интеллекта во многих

сферах уже сейчас качественно поменяло ситуацию. Хотя разработчики искусственного интеллекта – вовсе не представители каких-то крупных центров. Это вообще зачастую люди маргинального типа: недоучившиеся, выгнанные из средней школы, неудачники по жизни. Если посмотреть на группу людей, которые создали концепцию искусственного интеллекта, там практически нет представителей крупных научных школ и уж точно нет представителей крупных научных организаций. Это все какие-то «люди сбоку». Поэтому не надо ориентироваться на то, что вам говорит и предлагает государство. Государство смотрит вперед, исходя из вчера и сегодня. Это наша с вами задача: придумать что-то такое, чего даже вообразить нельзя. А мы должны вообразить, потому что оно может появиться.

АМ В моем представлении будущее не должно опираться исключительно на философию потребления.

СА В практической деятельности, в планировании будущего государство исходит из необходимости создания условий, чтобы люди творили, жили, образовывались и прочее. Как правило, в содержание деятельности государство не вмешивается. Задача государства – создать прекрасное помещение для театра, филармонии, концертного зала, а какая музыка будет звучать там – это дело творческих людей. При этом может быть ситуация, когда материальные условия не очень, а жизнь бьет ключом, и наоборот: мы понастроим превосходных, красивейших зданий, а жизни там не будет, такое тоже может быть. Но лучше все-таки создавать прекрасные условия, чтобы в них появился шанс возникнуть чему-то содержательному.

Яна Лисицина «Понастроим прекрасное» – это прекрасно, но для кого это будет являться красивейшим и превосходнейшим? Для людей, что строят в настоящем, или потомков, которые будут видеть эти объекты и давать им оценку в будущем? То, что прекрасно сейчас, – будет ли таковым потом? Может быть, этот вопрос лежит в плоскости перцепции? То есть как, что и кем воспринимается?

СА Ну, несомненно. Конечно, каждый будет воспринимать по-разному. Кому-то не нравится стадион «Труд»,

а кто-то считает, что это произведение 50-х годов – абсолютный шедевр. Вопросы общественности – как будет решать общественность, каким содержанием наполнять и как к этому относиться.

АГ Сергей Маркович, вы сейчас описали практически идеальное государство, которого мне бы тоже хотелось, правда, в нашей реальной жизни с трудом верится в то, что общественность умнее разработчиков. Но я все о том же: подкрепленные экспертными институтами, все в сумме могли бы прийти к успеху.

ЕГ То, что это решает общественность, мне тоже понравилось, но, к сожалению, в настоящем это не всегда так.

Марина Ткачева Я пою со своей колокольни. Моя колокольня сейчас – художественный музей. Была я проездом в Красноярске, и по памяти Зодчества, которое было вне Иркутска, я зашла, естественно, в художественный музей. Я поразилась, как все убого, как скудно. Если бы не выставка моего любимого Шишкина, там вообще нечего было смотреть. Я приехала в наш музей – хороший музей! Хороший: выпускаем хорошие, добротные каталоги, чего в Красноярске я не видела. Готовим сотрудников, взаимодействуем с Союзом художников. Но художники – это наиболее креативная часть интеллектуалов, наиболее настроенная на креатив, а кто их готовит?

ЕГ Архитекторы могли бы с этим и поспорить. Архитектор все-таки открыт на весь город и влияет на будущее в другом масштабе. Ответственность архитектора перед будущим больше, чем у художника.

МТ Еще про 19-ю школу; мы считаем ее школой будущего, «школой для Электроника». Ребят из Второго Иркутска привели на экскурсию в эту школу. У всех большие глаза: мы хотим в этой школе учиться. А там 10 классов в одной параллели; школа переполнена. Дефицит детских садов, дефицит школ, дефицит больниц – это дефицит не тех коробок, в которых они находятся, а дефицит специалистов, то есть учителей, врачей и воспитателей. Кто сейчас пойдет в учителя, врачи, воспитатели? Они не удовлетворяют ту потребность, которая нужна для будущего, то есть для воспитания креативного человека. Это касается и вузов тоже. Кстати, о гуманитарном обра-

зовании. Что мы видим в гуманитарном образовании? Усыхает исторический факультет, снимаются гуманитарные специальности. Попытались создать философскую специальность; отдельного философского отделения нет, и набора на нее не предвидится. Естественно, и преподаватели тоже стареют и умирают, и новых на горизонте не видно. И это – опора для будущего. Как эту проблему решать – я не знаю. Хотя у меня такое ощущение, что Иркутск более интеллектуально продвинутый город, чем Красноярск.

АГ Существует в Красноярске Музейный центр «Площадь Мира» – абсолютно прорывной музей. Особенно прекрасно то, что его выстроили на базе бывшего филиала музея Владимира Ленина – потрясающий результат на выходе.

ЕГ И здание Музейного центра хорошее, автор – архитектор А. Демирханов, и стилистически оно принадлежит к Павловской школе. Что-то мы на Красноярске немножко заиклились.

КЛ Гуманитарные дисциплины как раз и заняты формированием образа будущего, осмыслением прошлого и настоящего. Но прикладной смысл гуманитарных наук – формирование образа будущего. А будущего нет; такое ощущение, что просто нет будущего – все ждут конца света: все равно все кончится, все равно все плохо. Кризис комплекса гуманитарных дисциплин – это не русская идея. В этом смысле Иркутск выглядит каким-то оазисом, заповедником, потому что в Иркутске все еще остались люди, которые чувствуют себя гуманитариями и не стыдятся этого. Во многих областях само слово «гуманитарий» превратилось в какое-то обзывательство. Подпишемся на Чат-ГДП, он нам будет писать тексты по гуманитарным вопросам. У меня есть знакомый, который сам уже вообще не пишет никаких текстов. Он приносивился, и ему нейросеть пишет. Нейросеть пишет отличные статьи: когда ей не хватает фактов, она их выдумывает, и даже когда ей не хватает ссылок, она выдумывает (ссылки на какие-то научные труды, которых в природе не существует). Иркутск выглядит уникальным в смысле людей, в которых еще гуманитарное что-то живо: гуманитарное знание, гуманитарное мировосприятие. Мы, может быть, не всегда чувствуем ответственность, которая на нас этим накладывается. Даже то, что сейчас появляется на высшем уровне – например, посмотрите материалы последнего Давоса – это же ужас. Это идеи XVIII века: свободный рынок, свободная конкуренция, реанимация самого примитивного мальтузианства... Гуманитарное знание на Западе упало и продолжает падать.

АМ Да, кризис философии... Если в философии или религии не рождаются новые смыслы, то мы никуда не придем. Повторюсь, такие области жизни, как экономика, образование – это прикладные вещи. В европейской культуре еще лет десять назад было сказано, что они не знают, что дальше вслед за капиталистическим строем. Что будет? Каким образом? Жизнь для золотого миллиарда, а остальные люди на свалку? Социализм и коммунизм в мире тоже оказались отменены, а что дальше? Какое общество будет? Пока и религия не нашла ответ на этот вопрос, ждут мессию – того, кто укажет путь.

Татьяна Титова Глобализм. Они же дали конкретный и развернутый ответ на этот вопрос. Больше полувека группа сумасшедших людей, наделенных всемирным капиталом, упорно работала, чтобы общество безропотно приняло факт, что безумные идеи глобализма и трансгуманизма и есть единственный путь дальнейшего развития человечества.

КЛ Вы представляете себе, что такое современный глобализм? Это теория господина Клауса Шваба: на Земле должно остаться полтора миллиарда человек. Остальные должны сдохнуть. И не потреблять кислорода. Вот эти полтора миллиарда будут красиво жить, их будут обслуживать роботы. И они будут тихо и красиво умирать еще 300 лет, а потом вообще все кончится. Вот это и есть современный глобализм. Вы хотите такого будущего?

АГ У нас по известным кинопричинам резко вырос интерес к наследию М. Булгакова: «Мало того, что человек смертен, он внезапно смертен». Можно я препарировать фразу Булгакова? Человек не только внезапно смертен, он вообще внезапен. И это прекрасно, что человек внезапен. Это я в какой-то степени цепляюсь за то, что сказал Сергей Маркович: можно ли что-то спрогнозировать.

С чем были связаны успехи Иркутска как интеллектуального центра конца XIX века? Это было скопище странных людей: странных с точки зрения социальных взглядов, со своей системой ценностей. Это ссылка, фильтр, который вытягивал этих странных людей; эту странность хорошо бы не потерять. Главный недостаток нашего города – что мы стали нормальными. Мы уже стали почти такими же нормальными, как Забайкальский край (улыбается). Эту самую странность надо беречь, этих странных детей, людей и идеи. Пусть будет странная архитектура. Павловская архитектура для многих странна, но этим и прекрасна.

ЯЛ Я, к сожалению, не была в Красноярске, но отзывы о культурной жизни этого города заставляют о многом задуматься. Наши старшие мастера-художники говорили, что у нас в Иркутске мог быть филиал Российской академии художеств и художественный вуз. Но у нас не случилось, а вот в Красноярске есть. А ведь это круто меняет художественный ландшафт. Во-первых, это институционализация культуры, мощнейшие государственные учреждения, солидная база как для профессиональных художников, так и для искусствоведов. Это и база для издания серьезного журнала – площадки для искусствоведов и историков культуры. Такой, конечно, есть, но выпускается не в Иркутске. Это и научный совет для защит докторских и кандидатских диссертаций. И много чего другого, что объединяет и созидает. Мы это потеряли, как говорят, потому, что город еще в советский период проигнорировал такую возможность, не стал тратить ресурсы, например, не выделил квартиры для преподавателей, которые могли бы к нам приехать. А Красноярск сделал, и теперь мы, иркутские художники, смотрим на Красноярск и участвуем в академических выставках и конференциях, проходящих в Красноярске. А ведь это могло быть у нас. У нас прекрасные художники, мощные традиции, богатые фондами музеи, «Сибирский Эрмитаж» – ИОХМ у нас, а вот высшее образование, которое могут получить художники по своим специальностям (и не только они, но и музыканты, актеры, хореографы) – в Красноярске, там Сибирский государственный институт им. Дм. Хворостовского. У нас ребята заканчивают художественное училище и уезжают учиться или в столицы, или в тот же Красноярск. Он доступен, жизнь там дешевле, чем в Москве, и, что важно, есть качество и перспектива: прекрасные мастерские, замечательные художники-мастера, и в конечном итоге – диплом о высшем профессиональном образовании. А у нас нет отдельного вуза, связанного с искусством. В ИРНТУ есть кафедра монументально-декоративной живописи и дизайна, в пединституте ИГУ тоже есть отдельная кафедра, все-таки связанная с искусством, но это все локационно, небольшого масштаба; отдельного вуза нет. Если говорить про действительную элитарность Иркутска, то стоит поразмышлять именно о крупных учреждениях. У нас

должны были быть и Академия художеств, и консерватория, которую, кажется, мы тоже упустили в свое время, и настоящий оперный театр, и современный концертный зал (а ведь какая надежда была, что его построят на месте ТЭЦ!). Боюсь, если и будем загигать пальцы, то только для счета – чего у нас нет и что мы упустили. Несомненно, в Иркутске есть культурная элита, и наш основной капитал – люди, но правила игры таковы, что должна быть системность, институционализация, серьезный комплексный подход.

ЕГ Константин Львович говорит, что не обязательно учреждения, но отдельный человек сам может тоже формировать свое будущее и делать такой вклад, который и не снился организации.

АМ Настоящая креативность нацелена вовне, на социализацию жизни, а не на желание соригинальничать, выделиться, привлечь к себе внимание. Беда, трагедия глобализма западного подхода в том, что там весь мир заиклен на своем эгоцентризме, который приводит к тому, что невозможно создать позитивный образ будущего светлого и полезного для людей в целом. Человек должен жить не для себя – это на мой взгляд постулат нашего светлого будущего. И, соответственно, архитектор строит не для того, чтобы заработать деньги и улучшить благосостояние своей семьи (это, конечно, будет как побочный продукт), а для того, чтобы улучшить, обустроить мир, привнести в него красоту и гармонию. И когда есть эта главная цель и внутренний творческий талант, есть понимание, как пространство влияет на человека, тут и рождается красота.

ЕГ Важно, чтобы он убедил в этом понимании заказчиков.

АМ В будущем не должно быть на первом месте у архитектора мысли: понравится это заказчику или нет. Сейчас мы стоим в переломной точке, происходит переориентация с исключительной прагматики на другие смыслы: жизни для общественной пользы, а не для себя любимого. И эти новые смыслы будут рождаться именно в России. Западный, американский подход – в любом деле получение выгоды, он тупиковый, он уйдет. Мне думается, что архитектор – это профессия, которая задает смыслы через пространство. Архитектор вызывает восхищение и радость, скорбь у людей, живущих в пространстве, которое он сформировал.

ЕГ Понимаешь, 30 лет воспитание не только в стенах вуза, но на практике, на примерах того, что творится вокруг, идет в другую сторону. Успешен тот, кто правильно обслужил заказчика.

АМ Это не наш, не российский подход: «успешен тот, кто обслужил заказчика». И это сейчас сломается точно. Через 5, ну через 10 лет такого не будет.

ЕГ Ты говоришь опять об идеальном, да? Мы тоже за идеальное. Хочется верить. Но как к этому перейти?

АМ Сначала надо его как идеальное воспринять на уровне государственной идеи, а не мыслей отдельных людей.

ЕГ А мы его воспринимаем все время. У нас это еще с советских времен. Пусть не коммунизм, но что-то идеальное, на что мы и работаем. За это и идем на амбразуры, категорически не нравимся руководству, попадаем в список персон нон грата и т. д.

АГ Мы сами все придумали: то, что у нас происходит последние 30 лет – это все с запада, а мы-то на самом деле духовные, и через 5–10 лет мы такими станем. Мое ощущение: западный мир – это крупнейшая христианская цивилизация планеты. Говорить о том, что там намного больше людей, которые думают только о себе, а не ду-

мают о благе ближнего, на мой взгляд, очень амбициозно. Потому что, если посмотреть на людей, идущих в храмы всех христианских конфессий западного мира по воскресеньям, то уровень наполненности этих храмов на порядок больше, чем уровень наполненности храмов в России. В воскресенье, не в праздничные службы. Поэтому давайте-ка посмотрим на себя. Да, кланяться западу мы не должны. Но как бы не найти, кому кланяться с другой стороны глобуса: великая цивилизация на Дальнем Востоке находится. Я служил срочную службу в 1986–88 году, и все силы Сибири и Дальнего Востока во главе с главкомом войск Дальнего Востока были ориентированы против мощнейшего потенциального врага. И для меня ошеломляющим является то, что это сейчас, оказывается, наш старший друг и уже чуть ли не ментор.

КЛ Проблема, мне кажется, в том, что прагматизм говорит с человеком очень простым, ясным языком. Человек зарабатывает тысячу рублей – ты счастливый. Ты зарабатываешь две тысячи рублей – ты в два раза счастливее. А идеализм, который мы пытаемся противопоставить, говорит какими-то туманными формулами. Надо бы как-то научиться говорить с людьми на их языке, объяснять идеи, которые вы исповедуете. Это ведь наша задача, это мы должны найти слова, соединить их в какие-то тексты. И эти тексты надо обкатать и проверить, пока они не станут понятными. Почему марксизм живет и возвращается снова и снова? Марксизм очень простой, он как кирпич, его в руку берешь и видишь: здесь все ясно и понятно. Никаких монетарных словес. Запад уже давно погрузился в схоластику. Это XIV век, это болтовня, красивые слова, которые вывязываются в какие-то узорчики, но никакого смысла в них уже нет. Кроме того, что они чисто эстетически выглядят – никаких достоинств.

АГ Можно пошутить, отталкиваясь от того, что сказал Константин Львович? «Вы – интеллектуалы», – это звучит достойно. А «Я – интеллектуал», – ведь недостойно?! Как вслух сказать о себе: я – интеллектуал?

ЕГ Будущее предсказывать – дело непростое. Но в создании образа будущего очень много идет из интуиции. И образов много, потому что у каждого своя интуиция. У нашего сообщества, которое время от времени собирается здесь за круглым столом, с интуицией все в порядке. Ведь не зря за год до пандемии у нас вышел журнал «На здоровье», и был круглый стол с врачами. За полгода и чуть больше до СВО в ПБ была опубликована статья «Город и война». Вспомните круглый стол «Восточный поворот», ведь вроде ничего не предвещало вообще, а мы делали мозговой штурм по тому, что должен усилить, подхватить Иркутск, чтобы быть нужным, быть уникальным, быть идентичным – и вышли на полноценное образование в области восточных языков и т. д. Не надо стесняться своей интуиции; она нас, как правило, не подводит.

СА Елена Ивановна сказала про интуицию. Я понял, что один из основных коллективных «интуитов» Иркутской области – это Правительство Иркутской области. Потому что перед КОВИДом мы ввели систему электронного документооборота и могли из дома делать все документы, успешно пережив это тяжелое время. Были две глубокие мысли об Иркутске, чем он может быть. Я Александра Владимировича поддерживаю: мы говорим не про инженерное дело, не про естественные науки, но я сомневаюсь, что мы говорим и про гуманитарные науки. Насколько я понимаю нашу историю, мы были на острие не в гуманитарной мысли, а именно в художественном осмыслении реальности. То есть у нас были прекрасные поэты, замечательные писатели, отличная школа художников. И, может быть, там мы сможем выйти на какие-то новые вершины, еще большие, чем в прошлом. У Алены была мысль про заказчика, не дающего

возможность создавать прекрасное. А у меня мысли о том, что огромные деньги сейчас вкладываются в объекты – я не могу сказать, что в архитектуру, но в функциональные объекты вкладываются средства, а объекты при этом почему-то не прекрасны. Мы строим учреждения культурно-досугового типа в муниципальных образованиях Иркутского области, они неплохо оснащены, там хорошее пространство, светло и тепло, но внешне они не прекрасны. Я не понимаю, почему, у нас же хорошая архитектурная школа. Как объединить творческий потенциал архитекторов при полном, мне кажется, непротивлении заказчика? Почему не получается сделать красиво? Меня это расстраивает.

АМ Разве архитекторы представлены в государственной власти? Думаю, что там мнение архитектора просто не услышано. И поэтому не получается.

СА Я знаю одно, сейчас получается не очень красиво, а сооружения строятся на многие десятилетия. Почему школа-то наша архитектурная не востребована? Мне кажется, что там есть простор для фантазий, для приложения сил, для преобразования пространства. При этом заказчик – не частник, не капиталист, а государство и муниципалитеты.

ЕГ Из-за тендеров. Сейчас ведь вся система проектирования развалилась на мелкие мастерские, а участвовать в муниципальном или государственном заказе – это надо еще миллионы туда положить в залог. По этой причине очень многие архитекторы заказали дорогу для себя в этом направлении. С коммерческим заказчиком трудно, у большинства доллар нарисован в зрачке. Главное – выжать квадратные метры: сверхплотность, о количестве парковок он никогда не думает и всегда их занижает. То, что мы видим в Иркутске – результаты такого подхода.

СА Мне просто самому это интересно, я сам для себя ответов не нашел, но я понимаю, вижу проблему, а как это сделать – решения у меня нет.

АМ Я не знаю, как в Иркутске, но некоторые сибирские города жаловались, что в некие прошлые времена всегда был главный архитектор города, а сейчас он упразднен. Раньше главный архитектор – это человек из архитектурной среды, глубоко культурный, понимающий, как должен развиваться город и имеющий реальный авторитет у органов власти. К его экспертному мнению прислушивались. Дальше произошел переворот: главным советником власти стал не Архитектор, а Строитель – производитель работ. Кроме того, главными в решениях об архитектурном облике стали деньги и принцип: «чем дешевле, тем лучше». Строитель говорит: я могу сделать так, чтобы это стоило самых малых денег. И тут архитектурное мнение уже не учитывается, только мнение строителя. Не стало рядом с властью человека, понимающего, как Архитектор, систему города в целом, исчезла у Архитектора возможность обосновать свое мнение перед органами государственной власти. А сейчас должность главного архитектора есть, но это обычно просто администратор, у него может даже и не быть архитектурного образования, он не думает архитектурными понятиями. И если у главного архитектора города нет понимания, что город – это организм, который должен жить и развиваться, то и получается: государство, власть деньги вкладывают, а красоты нет. И наличие компетентного эксперта в области архитектуры рядом с главой города и области – это шаг к красивому будущему Иркутска.

КЛ Нас очень многое не устраивает в настоящем. Но прямо здесь и сейчас мы с вами не изменим ситуацию. Если со стороны смотреть, то проблема заключается в том, что договариваться с людьми не умеют. У каждого свои интересы: у застройщика свои интересы, у архи-

тектора свои. И каждый считает, что он самый главный. Но в этой ситуации шансов нет. Будущее будет вот такое.

ЕГ Высоко оценивается на российском и международном уровне эпоха 70-х – 80-х именно в Иркутске, когда здесь господствовала Павловская школа. Высочайшая оценка дана была не народом, а именно профессионалами. Тогда в Иркутске была триада. Тогда были два единомышленника – главный архитектор города Владимир Бух и главный архитектор Гражданпроекта (а тогда институт был почти монополистом) Владимир Павлов. При этом, что немаловажно, был мэр – Николай Францевич Салацкий, который, во-первых, был председателем исполкома долго, во-вторых, доверял профессионалам, о чем писал прямо в своих мемуарах: «Я доверился профессионалу», когда его спрашивали по некоторым острым вопросам. Сейчас ситуация принципиально другая. Тогда мнение профессионального цеха во главе с сильным лидером незамедлительно доносилось до муниципалитета и, поскольку институт был областного подчинения, – до руководства области тоже. Сейчас этого нет вообще. По поводу упомянутой Аленой и мной детской больницы возле шестиполосной магистрали архитектурное сообщество высказало единодушное мнение, но его не выпустили даже выше, за пределы Градсекции. Точнее, это мнение, конечно, донесли – и тут же заблокировали, не вынесли в публичную плоскость. По поводу размещения того же пресловутого госпиталя под глиссадой архитектурное сообщество тоже высказало практически единодушное мнение. Зная о нем, когда надо было принимать решение, был собран не Градсовет, который в полном составе и не собирается почему-то, а инженерная секция транспортников и строителей; архитекторов туда не пригласили. И проголосовали, одоблив одиозное размещение. А в СМИ написали, что именно Градсовет решил: «быть по сему». Это влияет на будущее.

АГ Я начинал с кризиса экспертизы, но имеет место еще и кризис доверия к профессионалам. Салацкий был совершенно очаровательный человек, несмотря на то что обладал офицерской фронтальной жесткостью. Может, это было от нехватки системного образования. Как ни странно, это плюс в данном случае: он мог сформировать на базе собственного гигантского опыта, в том числе управления городом, доверие к архитекторам. Но ждать доверия или появления вдруг сегодня удачного руководителя типа Мезенцева в новейшее время, Салацкого чуть ранее – вряд ли возможно. Существует еще и проблема слабости общественных институтов. Например, забастовка сценаристов в Голливуде. Она тотальна и фатальна для отрасли. С ними ничего не могли сделать: индустрия встала на месяцы, на полгода. Потери гигантские! А ведь это только общественный институт, не корпорация какая-то. Общественный институт солидарно сказал: нет, пока не будут пересмотрены условия нового глобального соглашения – работы не будет. И все встало. На самом деле и архитекторы – люди влиятельные. Как ни парадоксально, у них есть даже больший ресурс, чем у строителей. Почему? Строители страшно «съедают» себя внутри корпорации, потому что не существует строителя-творца. Строитель – элемент производства, а производство – тот же бизнес. Архитекторы имеют общие взгляды на базовые процессы. У них есть корпоративная этика в большей степени, чем у строителей. По вопросам, связанным не с зарабатыванием денег, но с влиянием на институты власти, у зодчих многое получается. Представителями архитектурного сообщества было выражено мощное мнение по поводу судьбы зданий кадетского корпуса, которые пытаются снести для постройки госпиталя. Это оказалось очень звучное слово, во всяком случае, губернатор занервничал

до такой степени, что звонил журналисту, готовившему публикацию в газете «Восточно-Сибирская правда», и состоялся взаимно напряженный разговор. Но когда мы пытались тему продолжить и обратились к авторитетнейшему представителю архитектурного сообщества, тот дал предварительное согласие высказаться – и пошел на попятную, отказался, что очень печально. Если не будет солидарности, не будет авторитета. Не будет авторитета – не будет никогда Творца, а будет только обслуживающий персонал.

ЯЛ Мне нравится философский подход, который можно сформулировать так: «Человек стоит обычно спиной к будущему, он пытается разглядеть прошлое». Мы действительно всегда стоим спиной к будущему и пытаемся оглянуться на будущее, но нас там нет и не может быть, и какое оно будет – можно только догадываться, исходя из своих сегодняшних предпочтений и чувствований. Мы вглядываемся в прошлое, и свое восприятие перекладываем на будущее. Юные люди тоже, исходя из своего невеликого, но все же опыта, небольших, но знаний, и свежего, неотягощенного временными наслоениями взгляда, пытаются дать оценку настоящему и будущему нашего города. Если можно, я озвучу несколько высказываний студентов: архитекторов и журналистов. Они говорят, что «дизайна в Иркутске нет, сложно найти современное здание, не говоря уж о каком-то дизайнерском решении»; «Конечно, ГАПы стараются сделать что-то красивое, но цель состоит не в красоте или особенностях, а в большей степени практичности». Очень обсуждаем вопрос: Иркутск – транзитный город на Байкал или все-таки город исторический? Есть мнение, что «... развитие Иркутска больше лежит в плоскости транзитного пути на Байкал». Но не все так считают: «все-таки Иркутск – исторический город, если к нему отнестись должным образом, и акцентируется внимание на исторической архитектуре, на деревянной архитектуре, именно это и есть мостик дальше в будущее». «Когда засматриваешься на какое-нибудь старое здание, невольно перемещаешься в то время, когда оно было построено». «Пусть город и маленький, но нельзя забывать его историю. Это и место ссылки, и место дороги на каторгу». Ребята сетуют, что «в городе практически отсутствуют места, где людям хочется остаться, поразглядывать архитектуру, наслаждаться историко-культурным наследием». Это говорят люди, которые будут жить как раз в том самом будущем, который мы стараемся как-то прогнозировать.

ТТ Они упирают на это, потому что в их самосознании ничего больше нет, кроме нашей деревянной архитектуры. И пусть это не совсем так, но кажется, что Иркутск ничем так ярко, кроме деревянной архитектуры, не выделяется. Только три города с сохранившимся массивом деревянных домов остались в России: Томск, Иркутск и Вологда. И в Иркутске их пока больше всего.

ЯЛ Вы не подумайте, что присутствуют только печальные отзывы о настоящем, студенты активно выделяют, что именно хорошо в Иркутске, например, постоянно упоминается 130-й квартал. И очень важно, ребята хорошо понимают: Иркутск – исторический город, и архитектурно-историческое наследие нужно хранить.

ЕГ Неточная цитата из Лежавы: «Что будет потом, в будущем, мы не знаем, но памятники архитектуры будут точно, потому что их охраняет статус, защита и отношение общества». И Иркутск не должен быть исключением; я надеюсь, что выживет то, о чем мы вместе заботимся.

КЛ Упомянули деревянную архитектуру; в глобальном масштабе идет ренессанс интереса к дереву повсеместно, на востоке и на западе. Иркутск обладает уникальным наследием, в том числе и инженерным, не только архитектурным. Европейцы точно разучились строить из дерева,

это я вижу прекрасно здесь: получают архитектурные премии какие-то нашумевшие проекты, но это просто сараи какие-то, стоечно-балочная примитивная конструкция, сшитая досками. А можно себе представить в будущем деревянный Иркутск? Но не вчерашний Иркутск, а завтрашний. Об этом кто-нибудь вообще думает? Это может выглядеть странно: многоэтажные дома из дерева, огромные общественные пространства из дерева.

ЕГ Большое препятствие было в виде нормативной базы, которая просто не позволяла: пожарные нормы и прочее. Сейчас это сдвинулось с мертвой точки. Прогресс к изменению норм активно началось лет десять назад, когда Никита Явейн выиграл конкурс на Музей науки в Томске, сделав его в своем проекте деревянным. Надеюсь, реализуется в будущем. Сейчас неплохой пример в муниципальном образовании Черемхово: недавно там реализовался парк-театр, который стал одним из победителей федерального конкурса «Комфортная среда малых городов...». Внутри парка располагается небольшой деревянный современный объект – музей Гуркина. Жизнь внутри просто кипит. Мы с автором А. Холявко недавно туда ездили и убедились, что настроение у жителей из-за этих реформ по городской среде на подъеме: до создания парка там было благоустроено еще одно место, у озера, а сейчас проектируется новое – мемориал. Парк-театр – это настоящее достижение; Черемхово – позитивный и вдохновляющий пример, потому что это не только появление каких-то благоустроенных новых пространств, это поворот в отношении жителей города к своему городу.

АМ А вообще, за каким обществом будущее? Разобщенным, разрозненным, каждый живет сам по себе, в своем микромире? Или должна быть общность у людей, которые живут в одном городе? Должна ли эта общность как-то формироваться? И если про положительное будущее говорить, то мы будем строить будущее, в котором общность иркутян будет.

ЕГ Про иркутян трудно сказать, это очень большой город, но можно надеяться. А вот в малых городах, в которых я побывала – в Забайкалье, в Иркутской области какая-то перемена от результатов конкурса налицо. Укорененность повышается, сокращается отток, в том числе молодежи. Это хороший сдвиг, и когда с высочайшей трибуны в этом году объявили, что этот конкурс, который должен был длиться пять лет, будет продолжаться и далее, это вызвало просто ликование тех, кто болеет за малые города и понимает их роль в российской системе расселения.

ТТ Вернусь к началу беседы. Говорили про всеобщее недоверие, которое возникает в профессиональных и экспертных кругах, и мы рассматривали разные стороны этого недоверия. Мне кажется, ключевое недоверие, которое сейчас возникает в обществе – к самому себе: как мы можем воспринимать сегодняшнюю реальность, если эта реальность все время стремится тебя обмануть? Я сейчас говорю про появление и нейросети, и искусственного интеллекта, про фейковые видео. То есть сейчас человек понимает, что любое видео, любой текст, любые фотографии могут быть ненастоящими. Если мы говорим про гуманитарное направление в Иркутске, образовательное и культурное, у нас есть умная школа, проектируется кампус – это наш потенциал. Были разговоры и о консерватории, и о первом классе концертном зале. Иркутску необходимо стать городом, воплощающим естественный интеллект и настоящую русскую культуру: создать общество людей, думающих и творящих своим разумом, не пользующихся нейросетью, потому что ей пользуются сейчас действительно повсеместно, и люди перестают думать. А мы можем создать такой

образ будущего, в котором люди будут думать сами, сами творить и будут общаться вживую. Создать среду, которая побуждает мощные творческие порывы в человеческой душе и желание обмениваться ими друг с другом. Иркутск может стать площадкой, где не будет привязки к этому опасному искусственному интеллекту. Напомню, что в ИРНИТУ есть уникальный проект – Зимний университет. Но сейчас настоящее реально настолько страшное, что играть в образы будущего намного приятнее, чем размышлять о настоящем. И та же самая футурология сегодня неспроста имеет такой огромный вес, потому что приятнее думать о том, что будет. Мы можем более оптимистично посмотреть сейчас на наши возможности. Мы обладаем некими уникальными качествами, которые будут скоро жизнеобеспечивающими. Вспомним Декарта: «Я мыслю, значит, существую». Скоро люди перестанут мыслить, если они так жестоко и агрессивно будут пользоваться насаждаемыми методами искусственной реальности.

ЕГ Мне кажется, что это все очень близко. Вот новость тоже сегодняшнего дня: «Японская писательница получила премию за роман, созданный при помощи нейросети. Правда, как заявила сама Риэ Кудан после награждения, ChatGPT сгенерировал только 5% текста. Эти фрагменты она добавила в произведение без изменений. С нейросетями связан и сюжет ее книги “Токийская башня сочувствия”: в местном парке строится небоскреб, и архитектор недоволен повсеместным использованием чат-ботов. Организаторы престижной литературной премии отказались комментировать награждение победительницы после ее заявления о соавторстве с чат-ботом».

Есть ощущение, что Иркутск потерял темпы развития: пожалуй, последними прорывами были создание Зимнего университета и 130-го квартала. Именно в два последних десятилетия Иркутск первым произнес слово «агломерация», это было в середине нулевых. И было проектное движение, но ушло в небытие, а теперь агломерация у всех, кроме нас. Иркутск первым начал практически это мощное урбанистическое движение своим 130-м кварталом. Не было до него прецедентов, не было такой масштабной реализации. И что? Следующий шаг – проект «Иркутские кварталы» развивается, но мелкими шагами, потому что нет в этом политической воли. У Зимнего университета – вечная проблема с финансированием: уникальная экспортированная когда-то методика, успешно адаптированная к местным условиям. Потеря темпа – это всегда обидно.

КЛ Есть такое понятие – эффект Левши. Если вам нужна какая-то уникальная вещь, то закажите русским, но если вам нужно эту вещь ввести в серийное производство – то кому угодно, только не русским.

ЕГ Вы говорите «русским», а я заменяю на иркутян. Иркутяне все могут придумать, опередить время, но продолжить, реализовать – это не получается.

АМ Есть искра, в том числе и в государственной политике – очеловечивания окружающей среды. Она направлена на будущее и реализована в множестве проектов по благоустройству. И это «одушевление среды» началось с проектов малой родины, со двора, с ближайшего окружения человека. Таким образом, Архитекторы сейчас, улучшая, очеловечивая ту среду, которая рядом с человеком, формируют привязанность человека к тому месту, где он родился, и где живет.

ЕГ Возвращаясь к архитектуре. По ощущению, образ архитектуры будущего все-таки идет по следам модернизма, а не историзма. Мировая практика показывает современный архитектурный язык как следствие конструктивизма, функционализма и урбанизма. Лаконичный,

современный архитектурный язык, а не стилизаторство, не неоклассика.

ЯЛ В будущем нас не будет, поколение уйдет, и останется архитектура, изобразительное искусство, потому что это пространственное, вещное: городская среда, архитектурные объекты и графика, живопись, предметы декоративно-прикладного искусства, сохраненные в музеях. Очевидно, сохранятся архивные документы, фотографии, книги. Больше ничего не останется от сегодняшнего, настоящего, хронос неумолимо съедает все. Но все-таки культурные артефакты существуют в ином временном пространстве, они и есть посыл в будущее. И действительно, архитектура – один из основополагающих месседжей поколений. Гюго говорил, что зодчество является величайшей книгой человечества и выражает человека на всех стадиях развития как существа физического, так и существа духовного. Архитектура сохраняется на протяжении многих столетий и беспрепятственно явлена массовому взору. Именно она – то самое послание, что идет от нас в будущее. Что увидят наши потомки? Как они воспримут возведенное нами? То, что строится сейчас, здесь – это как раз и есть само будущее, а также запрограммированное понимание в будущем нашего настоящего.

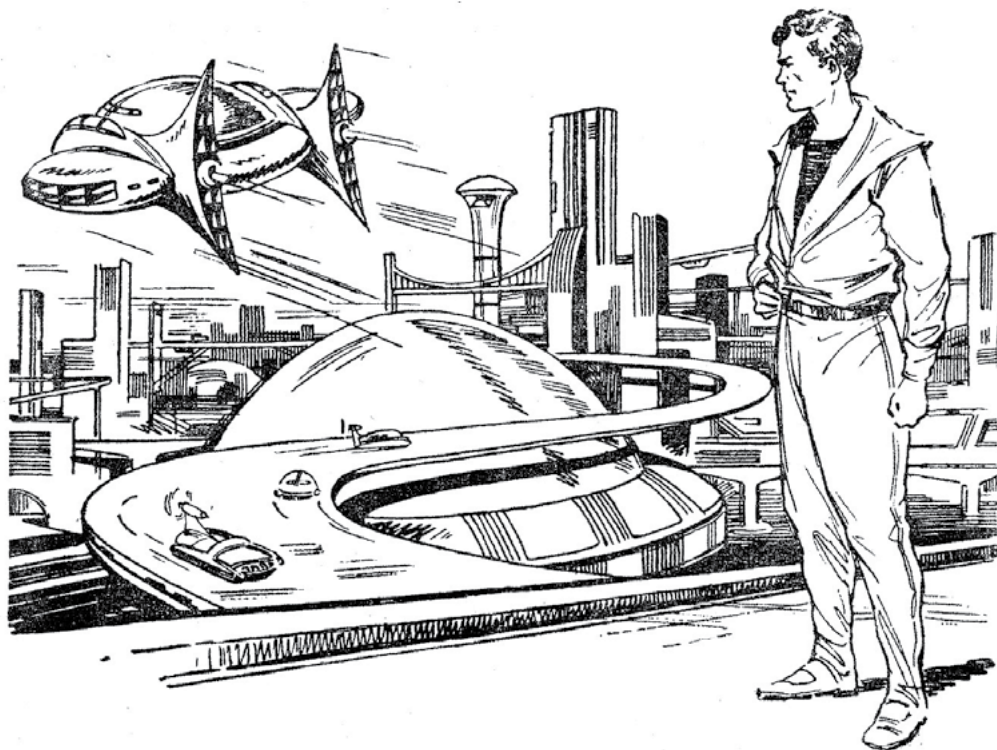
АМ Несколько лет назад я была в Астане. В городе есть так называемая новая Астана, построенная Назарбаевым. В этой новой Астане я ощутила голос Архитектуры. До сих пор помню: вот я стою перед огромным, выстроенным полукругом зданием, и ощущаю огромность, мощь, величие и безмолвие, несокрушимую силу власти, построившую это здание. Вдруг в XXI веке отсыл к сталинской архитектуре... Сильное впечатление. Мне бы очень хотелось, чтобы наш город в будущем имел свой, запоминающийся архитектурный голос, когда хочется любоваться, хочется находиться в пространстве. Пусть в будущем у нас будет больше таких мест, как 130-й квартал, которые тебя очеловечивают, захватывают, формируют ощущения, как дом Европы. Мне кажется, архитектура призвана вызывать лучшие чувства в человеке. И я очень надеюсь именно такую архитектуру видеть в будущем в нашем городе и в стране в целом.

АС Возникает очень много сущностных вопросов. Почему сегодня так, почему в прошлом было так, почему будущее не придумывается? Все это очень важно. Будущее все равно наступит, даже без нас, оно как-то идет само по себе, но если нам удастся предложить какие-то новые идеи, придумать, а затем воплотить их в реальность – это будет здорово.

МТ Перед моим внутренним взором стоит город маленький, такая вот спутниковая система маленьких городов, где есть взаимодействие, есть солидарность, есть среда, и наряду с этим есть архитектурный центр, где на основе конкурсов создаются большие масштабные проекты. И пусть в этом маленьком городе стоят маленькие дома. И пусть эти дома объединяются в дворовые коммуны. Почему-то разрыв между даунтауном и сетью маленьких поселений – она отчетливо перед моими глазами встала. Елена Ивановна подсказывает, что это идеи академика Бокова, изложенные своими словами: его «негород».

ЕГ Да, есть тренд на снижение этажности и жизнь не в урбанизированной среде, а в другой, природной.

АГ Если даже вдруг у нас что-то не получится на практике, есть одно решение: заместим наши неудачи нашей самоуверенностью. Мы очень высокого мнения о себе, исторических иркутянах: это хороший компенсаторный механизм (улыбается).

< Аркадий и Борис Стругацкие.
Полдень. XXII век.
Рис. Юрия Макарова

МТ Константин Львович! Почему тогда мы не можем смотреть назад, глядя вперед? Правильно: мы в прошлом интуитивно выбираем все хорошее и перебрасываем его в будущее.

КЛ Вопрос: как отличить самое хорошее от не самого хорошего? И решить, что достойно, что в будущее мы понесем, а что мы оставим в прошлом. Очень разные мнения на эту тему возникают.

АМ У человека, чтобы он устойчиво жил и развивался, обязательно должны быть и корни – это память о его прошлом, и перспективы и цели – его будущее. Если человеку не на что опереться, если он не помнит и не знает свое прошлое – это маргинальное сознание, дерево без корней. Если у него нет устремленности вперед, он не думает о будущем, прячет от будущего голову в песок как страус, то он нежизнеспособен.

КЛ У дерева все понятно: корень видно сразу – это корень. К сожалению, в человеческой истории такой обозначенности нет. В Европе это очень болезненный процесс – пересмотр истории. Пример: министр обороны Болгарии заявил, что из школьных учебников болгарских должно быть изъято все, что может служить основой для благодарности в сторону России. Министр ОБОРОНЫ указывает, что должно быть в школьных учебниках. История – служанка текущей политики, да еще такой близорукой...

ЕГ Взгляд из будущего в прошлое – очень интересный вопрос. Как на нас посмотрят в будущем? Как наши современники смотрят в прошлое? И как меняется, переписывается история...

КЛ Россия – это страна с непредсказуемым прошлым...

Чем научный факт отличается от просто факта? Научный факт – часть системы, картины мира. Все знают факты. А как этот факт встроен в картину мира? Вот почему сейчас такая мощная волна воспоминаний о снятии блокады Ленинграда? Что-то же, значит, резонирует? Что-то в сегодняшнем дне резонирует с тем, что было давно. И наша интеллектуальная задача этот резонанс уловить – сперва интуитивно, а потом осознать. А потом объяснить другим, в чем сходство сегодняшнего дня

с днем, когда была снята блокада Ленинграда. Ну, сходство же есть, иначе бы так не резонировало. В чем сходство сегодняшней ситуации в архитектуре с тем, что было 100 лет назад, во времена конструктивистов? Ведь если бы не было сходства, не было бы резонанса, мы бы не вспоминали конструктивистов, бруталистов. А почему мы сегодня об этом вспоминаем? Значит, что-то есть общее. И когда это повторится? Это что-то, что возвращается снова и снова. Вот это что-то нам нужно почувствовать, а потом осознать, а потом рассказать другим. И это наша задача; кроме нас, никому это сделать. Что делает Иркутск таким местом людей, которые хотят странного, если опять вспоминать Стругацких?

ЕГ Под занавес позвольте порадовать вас. Это как раз к тому, что мы на будущее работаем. За 20 лет работы в журнале «Проект Байкал» мы привели ситуацию к тому, что одна из премий правительства Иркутской области в этом году была названа в честь архитектора Владимира Павлова. Вот результат работы небольшого коллектива энтузиастов, которые в свободное от основной работы время делают журнал «Проект Байкал». Кто мог это предвидеть? Никто. Мы сами в это не верили, но невзирая на ход вещей, мы все равно идем и двигаем нашу тему. Это к вопросу о том, что будущее можно создавать, можно и нужно на него влиять.